

ГЕРОИ ИВ.ТОЛСТОГО

Арест и освобождение Ольги Берггольц

Иван Толстой

04 января 2026

Ольга Берггольц. Фото из следственного дела, 14 декабря 1938.

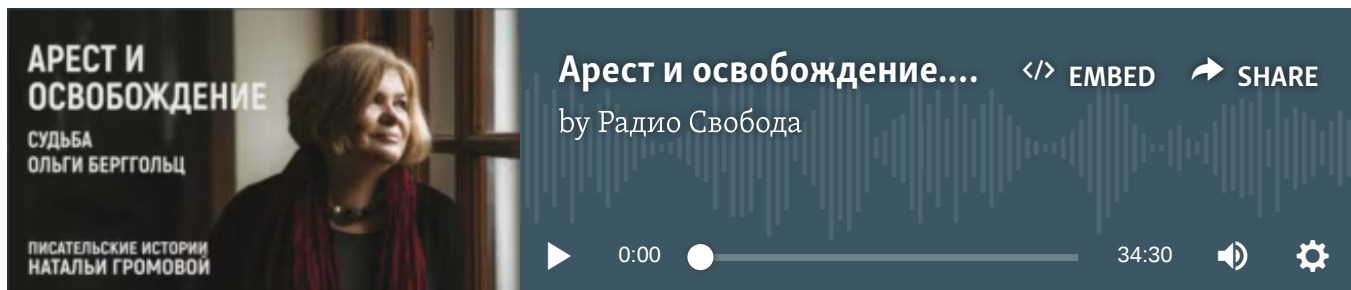
Писательница Наталья Громова - о легендах вокруг романов Ольги Берггольц и о действительных причинах ее ареста.

Как обойти блокировку?

[читать >](#)

Наталья Громова: Про арест Ольги Берггольц в 1960-70-80-е годы, даже при ее жизни, уже было очень много разговоров, которые, может быть, она никогда и не отклоняла сама, а, может, и не могла.

[↗ Pop-out player](#)

[↓ Скачать медиафайл](#) ∨

Постоянно говорили, что ее арестовали в связи с расстрелянным ее первым мужем Борисом Корниловым, советским поэтом. И это была абсолютная неправда. Во-первых, потому что они расстались очень скоро, почти через год жизни — в 1932 году и дальше уже они пересекались крайне мало. У него была абсолютно своя жизнь. Хотя в 1936 году Ольга Берггольц, будучи ответственным секретарем “Литературного Ленинграда”, уже писала в связи с Корниловым, присоединялась даже в каком-то смысле к его гонению. Писала в дневнике, что он арестован правильно, за жизнь, потому что это было под прикрытием того, что он разлагался бытово, пил, не был до конца советским человеком, и так далее.

Если сюжет с Корниловым завершать, после тюрьмы она напишет прощальный цикл, поняв, что Корнилов уже погиб, о его расстреле не было известно, но она уже понимала, что его, скорее всего, расстреляли. Она писала абсолютно покаянные стихи о том, что она могла участвовать не в гибели, а в травле человека, который был ее первым мужем и, в общем, близким человеком. Но это совсем другая история.

Courtesy Photo

Борис Корнилов и Ольга Берггольц, 1929.

А тот момент, о котором будем говорить мы, связан с абсолютно другим сюжетом. Это дело кировских писателей. Это 1937-38 год. И, как ни странно, дело Ольги Берггольц начинается именно в Кирове.

Дело в том, что любое дело, по которому происходят аресты, никогда не существует привязанным только к пространству. В 1932 году Ольга будучи замужем за замечательным филологом и тогда комсомольцем (а потом, конечно, разочаровавшимся во всём этом) Николаем Молчановым, учившимся на филфаке у Гуковского, едет с ним в казахстанскую степь. Они журналисты, они пишут, и там был еще третий человек, двоюродный брат Заболоцкого Леонид Дьяконов, они втроем описывают сельскую жизнь, фактически коллективизацию в Казахстане, которую они, конечно, не описывают, а умалчивают весь тот ужас, который там происходит.

**“ Скажи мне на чистоту,
что же партия по этому
поводу думает**

То, что она понимает, что там происходит что-то нехорошее, отчасти появляется в ее письме к Юрию Либединскому. Он ее родственник, муж ее сестры Марии Федоровны Берггольц. И она ему как

крупному рапповцу, как партийцу пишет, что что-то мы делаем не то, мы пишем о каких-то ложных победах. Я понимаю, что партия требует, что так надо, но все-таки скажи мне на чистоту, что же, так сказать, партия по этому поводу думает. К сожалению, это письмо, во-первых, осталось без ответа, во-вторых, оно оборванное.

Берггольц оттуда очень быстро возвращается в Ленинград, ссылаясь на то, что у нее там осталась дочка Ирина (от брака с Корниловым), и начинает писать повесть "Журналисты". В повести она выводит себя и этого самого Дьяконова. Это человек особенный, он потом писал и сказки, и эпос детский. Он как раз и жил в Вятке, в Кирове. Он выведен под именем Банка, немножко герой нашего времени, такой Печорин. Он как-то на все смотрит сверху вниз, а вот они такие комсомольцы. В общем, роман очень вторичный, я бы сказала. Она и сама это очень скоро поняла.

Ольга Берггольц, середина 1920-х.

И там был выведен один герой в виде газетчика, который печатался под псевдонимом Байкал. Писала она о нем достаточно иронически. Он появился в европейской шляпе, вот в этом Казахстане, в огненном кашне, со значительной грустной миной на молодом курносом лице. Он ничего не писал из командировки, но привез кучу очерков, переполненных междометиями и восклицательными знаками.

“ У нее было хорошее чувство юмора

Надо сказать, у нее было хорошее чувство юмора. “Ее плечи отливали шагренем”, - так начинался очерк о бригадирше Каучукового совхоза. Итак, был выведен кировский

писатель Алдан-Семенов, который после этой публикации затаил страшную обиду на Ольгу Берггольц. И когда в конце 1936 года начинаются первые звоночки в Ольгиной судьбе (она в начале 30-х годов имела очень близкие отношения с Леопольдом Авербахом, который приехал вместе с Горьким и Маршаксом строить детскую литературу), Ольга была красавица, пела частушки, танцевала. Она произвела на всех фантастическое впечатление. Ей было в этот момент 22-23 года. Она очень рано вообще поднялась.

За Авербахом был такой шлейф, в письмах Молчанову она называет его князем. Она говорит, что он носит револьвер и рассказывает о том, как он вернулся из Берлина, где он готовил революцию. Это в письмах пишется прямым текстом.

Леопольд Авербах и Максим Горький.

К Авербаху у нее была единственная претензия - что он не давал Молчанову возможность вернуться в Ленинград. Молчанова мало того что забрали в армию (и он, кстати, получил в результате страшный эпилептический припадок: рядом с ним разорвалась граната, и он с этого момента стал настоящим инвалидом), Авербах не давал ему возможности вернуться к Ольге.

Николай Молчанов, начало 1920-х.

Тут есть своя, конечно, интрига. Но эти отношения с Авербахом были такие пунктирные: когда он появлялся в Ленинграде, Ольга встречалась с ним все равно. Об этом станет потом публично известно, потому что это все будет разбираться на партийных собраниях, когда ее будут разбирать.

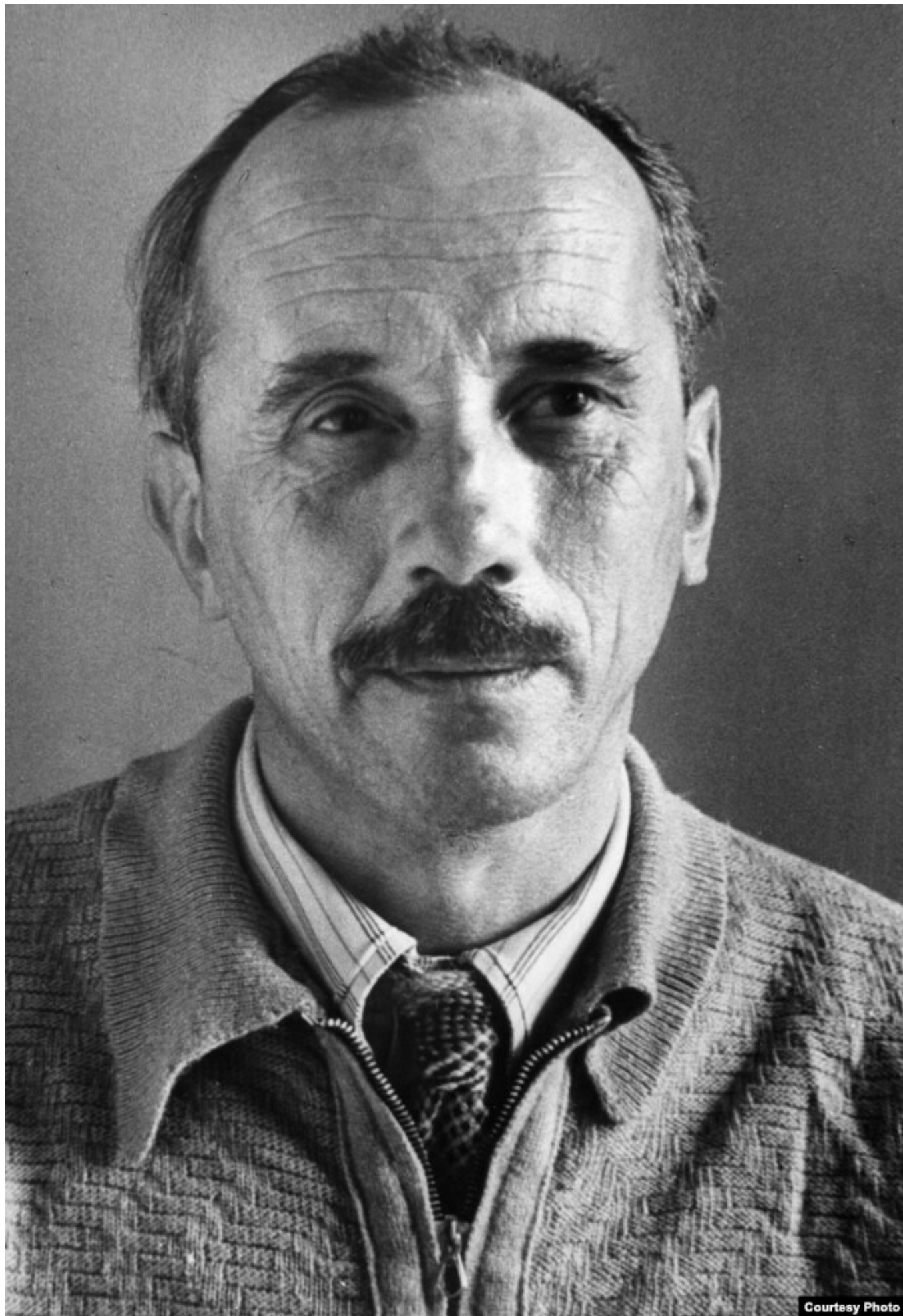
И когда Авербах был в начале 1937 года арестован (они с Берггольц последний раз виделись на похоронах Горького), Ольгу стали вызывать к следователю. Но ее еще не арестовывали. Ее вызывали для каких-то общих показаний. Но попутно шли собрания на заводе Электросила, где она когда-то вступала в кандидаты партии. Там ее из партии и изгоняют. И там рассматривается ее личное дело, где от нее требуют объяснить, какие отношения у нее были с Авербахом, как она с ним встречалась. И эти рабочие обсуждают все это с упоением. Она пишет об этом с ужасом, как эти люди ее смешали с грязью и предали.

Ольга Берггольц, середина 1930-х.

В 1937 году ее выгоняют со всех работ, и она становится вообще на какое-то время учительницей в школе. И вот тут-то в “Кировской правде” описывается, что состоялось собрание писателей и журналистов города Кирова, доклад о борьбе с троцкистами. Ну, понятно, надо же каждому бежать впереди паровоза. И именно

Алдан-Семенов рассказывает собранию о двурушнических делах троцкистов, об Авербахе, об Ольге Берггольц, с которой очень тесно в контакте находился Леонид Дьяконов. То есть этот сигнал идет из Кирова.

Леонид Дьяконов.

Тут в чем ужас? Эти люди, которые эту бурю поднимали, конечно, сами не понимали, что она накроет и их тоже. Когда Алдан-Семенов рассказывал про роман “Журналисты” и говорил, что в нем зарыты всякие тайные смыслы и на самом деле связь Дьяконова с Берггольц - это связь двух террористов, - там много было бреда. Но Дьяконова уволили, а Алдан-Семенова вместе со всей редакцией арестовали - и обвинителей, и обвиняемых. Тут уже пошли все, потому что сменилась новая команда, им абсолютно не нужна была эта редакция. Их просто заменили.

И дальше начались очень страшные допросы. Дьяконов, находясь в депрессии, дает жуткие показания на Берггольц, где он рассказывает, что Алдан-Семенов ему признался в том, что они создали террористическую организацию, что они вот туда завербовали тех-то и тех-то. Задача вообще-то достаточно мелкая. Им надо было вкатить танк на Дворцовую площадь и из него выстрелить.

Андрей Алдан-Семенов.

Где они могли взять танк? Ну, мы не будем про это даже думать, но они готовили покушение на Ворошилова и Жданова вместе с авербаховкой Ольгой Берггольц. Алдан-Семенов, например, говорит: "Я расскажу вам обо всем. Я враг советской власти. В августе 1936 года мной по поручению Акмина была создана

террористическая группа Лубнин-Дьяконов. Были связи с Берггольц, Алтайским (кстати, Алтайский - тот человек, который придумал Джамбула), Павлом Васильевым. На собраниях отделения Союза писателей Заболоцкий, Васильев, Решетников, Дьяконов вели антисоветскую агитацию”.

“ Все давали необходимые показания

Итак, все давали необходимые показания. Кстати, там был арестован человек, который меня абсолютно поразил. Это был племянник художника Михаила Матюшина

Игорь Франческо, он тоже же проходил по этому делу. Одна замечательная девушка, ученица десятого класса, написала о нем огромную работу, она фактически разобрала все его следственные показания, нашла его стихи. Вот она мне это все присылала. И вот там была “Поэма о боли”. Он, например, писал:

"Причинить вам боль может каждый твердый предмет.

Причинить вам боль может каждый мягкий предмет.

Даже стул, у которого спинка есть,

Даже стол, у которого спинки нет.

Карандаш, калоша, вода, стакан,

Папироса, если тверда рука",

и так далее. Очень страшные стихи об этих следствиях.

СМОТРИ ТАКЖЕ
Идея Шварца

Ольгу арестовали 13 декабря под Ленинградом в доме творчества. Кстати, дом творчества - это была бывшая дача Алексея Толстого. И доставлена на Шпалерку. И в постановлении об аресте говорилось, что Ольга Берггольц входила в террористическую группу, готовившую террористические акты против

руководителей ВКП(б). Исключена из Союза писателей. И среди прочего, что было, кстати, очень важно потом, у нее изъяли дневники. Вообще-то это очень по-своему любопытная история, потому что эти дневники - предмет отдельного авантюрно-приключенческого рассказа, потому что они сами потом уже прятались после ее смерти, к ним нельзя было иметь никакого доступа. Сергей Михалков написал резолюцию, что эти дневники порочат имя советского поэта. Это отдельная история.

Ольга Берггольц, 1930-е.

Но самое интересное, что эти дневники будут ей потом возвращены уже после того, как ее выпустят в 1939 году с красными подчеркиваниями. Она пишет: "Я смотрю на то, как они залезли ко мне в душу, топтали и гадили в ней". Эти люди прикоснулись к самому сокровенному. Она их ненавидела.

И, возвращаясь чуть-чуть на шаг назад, скажу, что она встретила Алдана-Семенова уже в конце 1950-х годов, когда он вышел из тюрьмы, каторги, он был все равно очень советский человек, и они оказались вместе в доме творчества в Малеевке, и известно, что она схватила бильярдный кий и хотела дать ему по голове. В общем, легенда говорит, что она его била тупфлей по морде, в общем, она таких вещей не

спускала и не прощала. Она запоминала своих обидчиков и врагов, ну и не только своих, на всю жизнь. В этом смысле она была человеком невероятно отчетливым.

**“ Из этой партийной
девушки начинает
прорасти осмысленный
человек**

Но мы приближаемся к развилке ее судьбы, когда из этой партийной девушки, которая часть этой страны, ее выражение, ее голос, вдруг начинает прорасти осмысленный человек, который начинает понимать, что все, что ее окружает, это ложь, и перед нами

будет рождаться уже другой человек, другой какой-то поэт.

Почему так важно говорить о ее дневниках? Потому, что ее вторая жизнь, подлинная, которая попадетя и в какие-то искренние ее стихи, в “Дневные звезды” и во многое другое, начнет формироваться именно в дневниковом слое, особенно после ареста, и эта двойная жизнь будет идти во время блокады. То есть она поделится уже надвое, это как бы ее душа.

И на этих допросах (ну, тут опять же и легенда, и жизнь говорит одно), она была беременна, у нее шли чудовищные допросы. После чего она на пятом месяце теряет ребенка, ее в крови всю везут в больницу фактически. С этого, собственно, начинается ее страшная женская судьба. Она будет пытаться много раз забеременеть, и она на этом сроке будет терять всегда ребенка. У нее уже умерла старшая дочь к тому времени, у нее погибла дочь от Николая Молчанова. Все дети ее будут умирать до и во время блокады. Все возможности забеременеть закончатся. Это произойдет именно после допросов и после пыток, и, по всей видимости, в тюрьме.

И именно там происходит встреча с абсолютно невиновными женщинами. Она понимает, что они ни в чем не виноваты. Вот в этой Арсеналке, где она лежит в больнице, она встречает многих женщин, которые сели за мужей или там были какие-то партийцы. У нее возникает новая картина мира, она ее потом опишет в таких стихах, которые выйдут только в 1950-60-е годы.

**“ Мой палач, лежа
пьяный на своем столе,
говорил ей, что они с ней
сделают**

И Мария Берггольц в заметках о своей сестре писала: "Ребенок в ней был убит, а далее изуверскими приемами режима она была изувечена, лишена возможности родить. Мой палач, - говорила она, - некто Фалин, лежа пьяный на своем столе, говорил

ей, что они с ней сделают, и всё страшно сжалось во мне, хотя внешне я была спокойна".

Но когда ребенок уже погиб, молодой организм не хотел отдавать его, выкидыши не происходили. Однако, несмотря на заявления врачу Солнцеву, ее издевательски не брали в больницу, дожидались заражения крови или естественной смерти. Наконец, ее нашли в одиночке, без сознания, плавающей в крови. Свалили в деревянную тележку и отправили в тюремную больницу с одним возницей. Побег был исключен: не доедет.

Она рассказывала, как моталась, билась ее голова о края тележки. Она сказала вознице: "Смотри, смотри, как умирает враг народа". А он ответил: "Да что ж мы не люди, что ли?" Смахнул слезу и повез осмотрительно, довез живой. В больнице Ольга написала:

"Двух детей схоронила

Я на воле сама.

Третью дочь погубила

До рожденья тюрьма".

Это было написано в Арсеналке в апреле 1939 года. Это был переход через мучение и ужас, как мне кажется, как ни странно, к новому рождению. Об этом она еще не знала. Но в начале 1939 года, когда наступает короткая оттепель (тогда ее называли так, она, конечно, никакой оттепелью не была, сняли с должности Ежова и назначили тогда Берию, 7 декабря 1938 года), началась перемена кадров.

Но всех остальных по этому делу, в отличие от Ольги, не выпустили.

“ Вокруг ее освобождения существует тоже масса неясного

Ольга же выходит где-то через 8 месяцев после ареста, в середине 1939 года, и все равно вокруг ее освобождения существует тоже масса неясного.

Николай Молчанов был человеком тоже прошедшим путь от очарования советской властью к пониманию того, что она абсолютно губительна, он, надо сказать, очень достойно переживает ее авербаховское дело. Он ее очень любил и абсолютно понимал, что она путается направо и налево. Она была действительно красивая. Он

был мерило ее совести и чести. Она приходила, читала ему стихи, он говорил: "Это хорошо, это плохо". Он был для нее абсолютным индикатором. И когда ее посадили, от него тут же потребовали, чтобы он отрекся (он работал тогда в Салтыковке, в библиотеке Салтыкова-Щедрина), чтобы он положил комсомольский билет. Он сказал, что отречься от жены недостойно мужчины.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Клевета как улика. Судьба драматурга Сергея Ермолинского

Он начал писать заявления о пересмотре дела в Генеральную прокуратуру, к Сталину. И он же написал, по всей видимости, достаточно жесткие письма в ответ на письмо Либединского. Мы знаем только о том, что было какое-то письмо, на которое он ответил очень резко о том, что, во-первых, Ольга ни в чем не виновата, и чтобы они вообще держались от этого дела подальше, потому что Либединский же входил в писательскую верхушку вместе с Леопольдом Авербахом, Киршоном и прочими. В этот момент арестовывается весь круг Российской ассоциации пролетарских писателей.

Либединского спасает то, что он уезжает в Москву к жене, Марии Федоровне Берггольц (это было еще в 1936 году), и то, что Фадеев вырывает из этой ситуации как любимец Сталина, потому что он тоже состоит в верхушке РАППа. И Сталин ставит на Фадеева в тот момент. И Фадеев (Либединский сделал из Фадеева литератора и писателя) нашел его. Это была дружба двух людей, которые все время друг друга вытаскивали. Мало того, они в какой-то момент были женаты на сестрах Марианне и Валерии Герасимовых. И это их очень соединяло в те времена.

Александр Фадеев (слева) и Юрий Либединский, сер. 1920-х.

Марианна Герасимова из-за Либединского, из-за веры в социалистическую идею пошла работать чекисткой, но была потом арестована сама. Но в этот момент Либединский уже муж Марии Федоровны Берггольц.

Мария Федоровна была актрисой. Она не обладала никогда никаким особыми способностями даже как актрисы и каким-то особым умом. Она была красавица, конечно, и она была не похожа на Ольгу, но у нее было обостренное чувство преданности своим близким. Оно сказалось несколько раз в судьбе Ольги, при том что у них были два года разницы и отношения были то близкие, то очень сложные, то очень тяжелые. Но вот в этой истории будем говорить о ее очень необычной роли.

Итак, Николай Молчанов пишет Марии Берггольц: "Спасибо тебе на добром слове. Но письмо твое мне приятно. В каком отношении? Ты нигде не переходишь той грани, за которой начинается низость, хотя логически могла эту грань перейти. Не переходишь, спасибо".

**“ Я больше других
доверяю людям, которых
оскорбил в первых своих
письмах**

Это говорит нам о том, что было письмо с некими неприятными словами. По всей видимости, оно было от Либединского.

“Знаешь, я не в отчаянии и не был. Куда-нибудь подавать я не хочу. Заявление я уже писал. Я, оказывается, больше других доверяю людям, которых оскорбил в первых своих письмах. (Опять же, мы ничего не знаем про эти первые письма.) Страховать от этих людей я не намерен, хотя мог бы это сделать, используя недалекие примеры. Ты напрасно так тоскуешь, глупости все это. Интриговать не буду. И ты не пиши ни заявлений, ни жалоб, ни требований. Пока я дома, будет сделано всё, что нужно по закону. (Дома - имеется в виду, пока я не посажен.) Когда меня не будет дома, придется тебе заняться этим. Сообщи обо всем в парторганизацию мужа, иначе ему плохо придется, как мужу моей сестры, например. Адрес Ольги известен. Вернется Ольга, ничего не говори ей об этом. Почему? Скажу когда-нибудь на закате дней”.

Ничего не будет, конечно, потому что умрет он в блокадный первый год. Но что мы можем извлечь из следующих разговоров и из переписки? Это то, что Мария Федоровна, мы это знаем точно, едет в Ленинград. Она попадает на прием к самому Сергею Гоглидзе, в то время начальнику управления НКВД по Ленинградской области, который на самом деле в каком-то смысле уже висит на волоске. Он человек прежней ежовской когорты. И она приходит к нему с рассказом о том, что вот вы арестовали мою сестру. И она ему говорит, что ее муж дружит с Александром Фадеевым. А Александр Фадеев - большой любимец Сталина. И вот вы как-то аккуратнее поступайте. И Фадеев очень недоволен тем, что Ольга Берггольц арестована. В общем, она произносит какой-то достаточно безумный текст, который как ни странно, играет на руку Ольге Берггольц.

“ Фадеев панически боится Берию

Но самое удивительное тут то, что когда она возвращается домой, она об этом сообщает мужу, а тот сообщает Фадееву. Фадеев просто в ужасе. Во-первых, Фадеев панически

боится Берию. Берия для него гораздо опаснее фигура, чем Ежов. Почему? Дело в том, что Фадеев тоже попадает в переплет. Он (как теперь уже становится окончательно известно: Никита Петров о Ежове написал большую книгу) готовил огромный труд о жизни Ежова. Это должна была быть многостраничная биография, такая вот с красивой обложкой. И уже есть первые главы. И, разумеется, Фадеев просто распевал соловьем, и тут вдруг его ставят вот в такое положение. Он был в ужасе. Хотя потом, мы знаем точно, что уже после 1956 года, он говорил Ольге, что это он ее спас.

Вообще разговоры о том, кто ее спас, шли беспрерывно. Но дальше мы узнаём, что в части переписки Марии Федоровны с Либединским начинает проглядывать начало этой истории, о которой, собственно, Михаил Либединский, сын Либединского, напишет в связи с арестом сестры матери Ольги Берггольц. Ранней

весной 1939 года произошли те трагические события, которые в конечном счете привели к распаду этого брачного союза к середине 1940-го года.

Мария Берггольц, середина 1920-х.

Переписка этих лет носит односторонний характер. Отец пишет, мать не отвечает.

И вот он в своих письмах, я их прочла около десяти, там все время появляется тема: "После наших с тобой споров о письмах Николая и моих поступков Николай Молчанов может думать обо мне все, что угодно. Ты знаешь, как я его самого расцениваю. Ты меня знающая столько лет. Неужели я удовлетворюсь жалким браком с тобой. Ты не хочешь меня знать. Если бы я посчитал себя в деле с письмами неправым".

То есть ситуация была такая, по всей видимости, в ответ на письма Николая Молчанова о ситуации вокруг ареста жены, Либединский как партиец (хотя он исключен из партии в этот момент, он восстановит членство потом) хотел эти письма отнести куда надо. Это проглядывает во всей этой переписке. Он говорит: "У меня были минуты слабости, упадок сил душевных и физических, которые были той дорогой передового человека, коммуниста, которого я себе избрал. Но я не сдавался перед врагами и не выдавал друзей и без всяких фраз выполнял те элементарные обязанности, которые надлежит исполнять советскому гражданину. Именно к такой обязанности вынудили меня письма Николая. Впрочем, ты тут всё знаешь. Новое для тебя только то, что я не могу и не хочу продолжать наши отношения на том социальном базисе, на котором они находятся".

“ Мария Федоровна Берггольц успела уничтожить улики

По всей видимости, произошло следующее. Он уже восстановлен в партии, как раз после ареста Ежова. Начинается медленное восстановление всех партийцев. И вот недавно восстановленный в партии Юрий

Николаевич Либединский, муж Марии Берггольц, прочитав письма Молчанова, мужа Ольги Берггольц, предполагая, что их могли увидеть еще чьи-то глаза, испугался.

И известно по отдельным намекам, что он ходил советоваться - вот тут уже самое интересное - к Марианне Герасимовой, бывшей жене, надо ли эти письма передать куда следует. А почему это интересно? Потому что Марианна Герасимова в этот момент лечится от воспаления мозга. Она ушла уже с работы в НКВД в 1935 году. Она участвовала, как я теперь знаю точно, в деле Лосева, в допросах, очень во многом она во всей этой группе работала с интеллигенцией. За ней самые, так сказать, драматические страницы, о которых мы знаем мало. Известно по отзывам родственников, что Мария Федоровна Берггольц успела уничтожить улики. Таким

образом, она съездила к Сергею Гоглидзе в Ленинград, но опять же, как всегда, ирония судьбы состояла в том, что буквально через несколько месяцев была арестована Марианна Герасимова, бывшая жена и очень близкий человек Либединскому.

В декабре 1939 года Либединский написал огромное письмо Сталину о том, что Марианна Герасимова была замечательной чекисткой, что она всегда служила партии и правительству. И это удивительно, как из ситуации, когда человек боится, тут он выходит уже на простор совсем другой. То есть он оказывается опять же близким к настоящему врагу народа. Но тут он, конечно, не мог ее не спасти. Спасти ему, конечно, ее окончательно не удалось, но в 1944 году она получила не такой большой срок. Ее выпустили, и она вернулась в Лаврушинский к младшей сестре Валерии, которая жила в писательском доме. Валерия была когда-то женой Фадеева, тоже была абсолютно партийным писателем. (Кстати, она бабушка Сергея Шаргунов, нашего замечательного писателя. Он не любит об этом думать и вспоминать такое.)

В ленинградском радиокомитете. Первый справа Георгий Макогоненко, вторая - Ольга Берггольц, 1941.

Итак, она писала: "Мою сестру пытали тем самым рядовым обычным способом бессонницы. Не давая спать, выдерживали на ногах, покуда человек не валился без памяти. Кровь выступала из почек, - писала она. - А других иначе, даже усовершенствованно электрическим током, стоял нечеловеческий вой. Успела сказать она мне на ухо. Вот такого нельзя было не бояться. Я не могла представить, что выдержу".

Когда после возвращения Марианну в очередной раз вызвали в НКВД, чтобы отмечаться, она, оставшись одна в квартире сестры, повесилась. Вот так закончилась ее линия, а Ольге Берггольц еще предстояло много что на свете сделать. И самое главное - это то, что она с этого момента, с выхода на волю, когда она будет еще целый год пребывать в депрессии и в понимании того, что прежняя жизнь кончилась, что этой партийной силе, которая ее вот так уничтожала, верить больше невозможно, она именно войну воспримет как спасение и как какую-то новую правду, в которой она займет уже роль ленинградской мадонны, это уже другая история, и там тоже будет второй смысл и второй слой, но она через войну будет уходить от своего 1937 и 1938 года.

Установите Мобильное приложение Радио Свобода

Установить

Читайте Свободу в Телеграме

Войти

Подпишитесь на Свободу в Google новостях

Подписаться

Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: [Герои Ив.Толстого](#)

Этот контент также в категориях

Поверх барьеров с Иваном Толстым

Культура

Герои Ив.Толстого

Советские судьбы